

УДК 130.123.4

ИДЕЯ БЕССМЕРТИЯ В ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА

С.Н. БУЛГАКОВА

М.С. Мирошкин

ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»,
г. Москва

Рассматривается важнейший для всего человечества вопрос о смерти и потенциальных возможностях ее преодоления. Показывается ценность хозяйственной философии в качестве одного из базовых источников понимания феномена смерти и бессмертия. Рассматриваются особенности взаимосвязи свободы, воли, любви в качестве критериев хозяйственного преодоления смерти. Показана религиозная подоснова философии хозяйства, которая позволяет проследить и уяснить фундаментальное значение сущностной природы смерти. Обосновывается экзистенциальная сторона смерти как мобилизационный фактор хозяйственной деятельности человека.

Ключевые слова: *смертность, Богочеловек, бессмертие, кенозис, интериоризация, тварность.*

В истории философской мысли нет более глубоко волнующего и широко распространенного вопроса для человека, чем таинство сущностной специфики смерти. Данная проблематика связана не только с осознанием конечности каждого по отдельности взятого человеческого бытия, но и в совокупности всей органической природы в целом. Поэтому тревожащая человека на протяжении столетий заинтересованность в вопросе о сущности смерти и потенциальных возможностях ее преодоления не сходит с уст человеческих и по сей день.

Философскую заинтересованность в вопросе о смерти и ее отношении к человеческой жизни выражал немецкий мыслитель Артур Шопенгауэр в своём философском трактате «Мир как воля и представление» (1819), в котором он дал позитивный взгляд на экзистенциальную специфику этого непреходящего феномена для всего органически существующего в мире и прежде всего для человека, утверждая, что «смерть – поистине гений-вдохновитель» [6, с. 772]. Неизбежность смерти приурочивает человеческую волю с эмпирических позиций к побуждающим действиям по сохранению ценности своей личной индивидуальности. Поэтому, предпочитая жизнь небытию, все человечество испытывает бессознательный страх смерти, который цинично напоминает о себе в любой пограничной ситуации, сводящей к нулевой степени все попытки достижения бессмертия, о котором питает свои надежды человеческая сущность. Познание смерти обусловлено необходимостью достижения ясности в том, что противодействует определению сущности «зова бытия» или жажды жизни, которая становится настолько желанным объектом, что сокровенная тайна смерти не обуславливает упразднения конечного первосмысла человеческого существования. Поэтому «априорный страх смерти – не что иное, как обратная сторона воли к жизни, которую представляем собой все мы» [там же, с. 773]. В этом смысле смерть не несет в себе абсолютного разрушения, которое односторонне по своим качествам приписывается человечеству в процессе умирания, поэтому субстанциальная форма смерти не была вос-

принята за истину отечественным религиозным мыслителем С.Н. Булгаковым, который в силу новаторских философских убеждений усматривал в феномене смерти особую ценность, ознаменованную переходом в область трансцендентного. Таким образом, глубокое осмысление специфичности смертного качества человеческого естества находит особое отражение в области хозяйственной философии, которая, по мысли С.Н. Булгакова, является не только ключевым проводником в познании эмпирической реальности, но и осмыслением поиска возможности бессмертия за пределами естественно-природного существования.

Философ пытается донести до нас мысль, что «человек, и в нем все творение, есть нетварно-тварная София, сотворенное божество, тварный бог по благодати» [5, с. 273]. Из понимания человека как трансцендентно-имманентной сущности мыслитель делает вывод о том, что смерть есть не естественное и чуждое состояние для человека, которое является свидетельством неустойчивости человеческого существования, нашедшего свое происхождение в форме реализации неосознаваемых действий первородного греха, повлекших за собой снисхождение духовной сущности человека до тварной. Эти непреднамеренные действия стали результатом дерзновенной свободы выбора и ослепленного порыва человека, над которым взяло верх самодовлеющее волеизъявление, что повлекло за собой нарушение духовного равновесия и, таким образом, ознаменовалось величайшим распадом гармонической связи между человеком и Богом.

Человек после отпадения своего духа от трансцендентного перешел в область имманентного, тем самым свободная воля человека стала причиной смертного злключения в материальном мире, существующим по механическим законам природы. Независимая человеческая самость в мироздании объективировалась в форме телесной оболочки, сущность которой подвержена постепенному угасанию, ведущим к смерти [1]. В этом смысле человек стал наделенным тварными качествами и тем самым сравнился со всеми организмами природы, подверженными смерти, и поэтому вынужден отныне руководствоваться в поисках ее преодоления хозяйственным образом жизни.

Смертельная конечность человеческой жизни стала зеркальным отражением искривленного бытия, которое носит характер часового механического отсчета от рождения до конечного забвения – смерти. Нарушенный онтологический оплот человеческой сущности характеризуется отходом от божественной любви, которой в мире трансцендентном человечество постоянно поддерживало гармонию божественного и человеческого сосуществования [2]. Таким образом, природа смерти стала знаковым явлением в жизни человека с момента искаженного понимания и усвоения свободы, которая определила человеческую судьбу в месте земном, где существование его стало зависимостью от способности ведения хозяйственной деятельности.

Человек как духовно-телесное существо отстранилось от полноты жертвенной любви божественного естества волевым самоутверждением к положению смертности или положению борьбы за свое существование, которое обусловлено непрерывной необходимостью должного соблюдения хозяйственных принципов жизни [3]. В этом смысле С.Н. Булгаков делает акцент на том, что потаенная возможность преодоления смерти достижением бессмертия заключается в неизбежности самой сущности смерти, которая «есть лишь обморок жизни для тела и, соответственно тому, неполное, ущербленное, потенциальное лишь состояние для

души» [4, с. 517]. Теперь человечество, будучи обессиленным, вынужденно отворачивать у смерти права на продолжительное существование, которое нескончаемо озадачено изменением качества жизни посредством ее улучшения процессом совместного раскрытия глубины хозяйственной природы человеческого естества. Ослабленное состояние всего человечества уцербленной силой первородного греха является показательным примером онтологического рассредоточения двух природ – божественной и человеческой, которые в творческом слиянии поддерживали мировую гармонию Богочеловеческого миропорядка. Поэтому квинтэссенция смерти потенциально раскрывается и преодолевается силою божественного вочеловечения, посредством жертвенного самоумаления до тварной природы. В свою очередь и человек должен хозяйственной жизнью предотвратить бренность своего существования жертвенным актом приятия временной продолжительности собственного бытия как качественным переходом в небытие благодеянием мирского значения хозяйственной деятельности, исполненной превозмогающей силой божественного предзнаменования.

Длительность умирания есть свойство имманентное человеческой сущности, и как состояние есть феномен временный и переходящий постепенно в процесс угасания плоти посредством отделения души от тела, которое подвергается органическому разрушению, в то время как душа устремляется к Богочеловеческой гармонии, которая есть Софийная первожданность, неподвластная смерти. По мысли С.Н. Булгакова, «в этом и состоит строй мироздания как соединение вечности и времени, полноты и становления» [5, с. 278]. В процессе хозяйственной деятельности человек не просто проживает свою жизнь, но при этом находится в творческом порыве деятельного отрицания смерти, что свидетельствует о сохранении духовно-жизненной силы, способствующей обеспечению связи с божественной вечностью высших ценностей через воскресение, которое есть переход в область бессмертия.

Озабоченность человечества вопросом бессмертия вполне раскрывается в философии хозяйства С.Н. Булгакова, который провозглашает существование смерти как основной признак разрыва благодатной связи Божества и человека, ввиду вольного приятия последним механической регуляции невольного мира природы. Поэтому ценностная значимость смерти проявляется в стимуле проявления сил человеческих не только в делах земных, но и в качестве воссоединяющего фактора со своим божественным первообразом. С точки зрения С.Н. Булгакова, единственная возможность познания бессмертия усматривается в отхождении от эмпирической реальности в область трансцендентного хозяйственным приятием смерти для восстановления былой жизнеспособной силы, которая отражает смысл великодушного отношения человечества к процессу жизни во всем его творческом многообразии. Поэтому преодолевать свою земную беспомощность и страдания человек вынужден хозяйственным отношением к собственной жизни, которая должна расходоваться на упорядочение и преобразование хаотичного устройства смертного бытия.

Включенность всего человечества в космическое пространство мироздания предполагает широкое поле возможностей личностной самореализации при посредстве хозяйственной деятельности, которая превозносит ценность жизни в противоположность небытию смерти. Но при этом смерть не есть абсолютно отрицательное свойство человеческого существования в силу того, что она есть качественно новая пограничная ступень в область бессмертного начала, которое есть божественная природа, неосознаваемая в процессе человеческого со-

умирания. Поэтому «для человека в умирании осуществляется полнота и победа смерти» и эта победа носит праксеологический характер земной жизни в форме хозяйственной деятельности и онтологический характер в неземной форме существования потустороннего метафизического бытия [там же, с. 284].

Поэтому смертность, как всеобщее человеческое качество, заключена в падшей природе человека и, таким образом, есть акциденция не тождественная Божественному предназначению. В этом смысле сущность смерти раскрывается и побеждается восхождением человека посредством хозяйственного постижения Богочеловеческой природы Христа. Это означает, что смерть не подлежит упразднению, а лишь отстранению с хозяйственного пути человека, который приобщается к высшему Божественному первоначалу. Тем самым человек в непрерывном процессе хозяйственной деятельности должен опираться на Божественный первообраз, который помогает совлечь все тяготы смертной жизни и тем самым осознать, что «смерть – великий урок, который получает в силу порядка природы воля к жизни или присущий ей эгоизм; и на нее можно смотреть как на кару за наше бытие» [6, с. 807]. Отсюда следует, что только жертвенным подвигом личного хозяйственного искупления человек сможет приблизиться через воскресение к бессмертному образу Бога и тем самым достичь былого бессмертия.

В соответствии с кенозисом произошло вочеловечение Христа, который свободным подвигом принял смерть посредством снисхождения в мир земной для качественного изменения человеческого естества, чтобы совершить освобождение человечества от рабского состояния смерти. Поэтому смерть Богочеловека приводит к осознанию того, «что Христос продолжает вкушать смертную чашу вместе с каждым умирающим человеком, болеть с ним смертной болью и со-умирать с ним смертным истощением» [5, с. 284]. Таким образом, ослабленное состояние человеческого существования с момента его зарождения обусловлено смертностью. Поэтому причинная цепь механических явлений обусловлена смертным состоянием падшего мира, что заставляет человека пребывать в предчувствии своего окончательного часа, «но при этом смерть не может уничтожить большего, чем дано было рождением, следовательно, не может она уничтожить того, благодаря чему только и стало возможным самое рождение» [6, с. 798]. В этом смысле метафизическая причина человеческого зарождения является фактором, который не позволяет полностью слиться с отрицательной сущностью небытия смерти в результате оживленного проникновения в бесформенную материю, которая наполняется божественным смыслом и тем самым фактически преобразует все мироздание через зарождение человечества и проявление его хозяйственного отношения к материальной среде существования.

Хозяйственная деятельность становится доминантной причиной борьбы со смертью имманентно присущей человеческой природе, которая на протяжении всей жизни подвергается качественному изменению, поэтому реализация творческой энергии должна благодатной деятельностью создавать условия для возможности ослабления смертности, но не ее упразднения. В этом смысле человек способен побеждать смерть, но не всеобщее качество жизни – смертность – в силу неизменности причины первородного греха, который остается знаковым событием преобразования божественной природы человека в тварную, поэтому «то, что произошло в человеке и с человеком, произошло и со всем миром. Смерть, т. е. недостаточная сила жизни, пронизала собою весь мир, а человек, вместо того чтобы быть носителем жизни, стал носителем

смерти» [4, с. 516]. Поэтому человек и по сей день испытывает ослабленное состояние своего собственного существования, но образ Божий в человеческом сознании не позволяет окончательно умалить предназначение человеческого естества. Иными словами, смерть не способна элиминировать силу жертвенной любви, которая могуществом спасительного подвига самоумаления открыла человечеству пути к бессмертному одру, на котором человек достигает реализации обожения хозяйственной деятельностью и тем самым достигает раскрытия истины Божественного замысла.

Смерть существует исходя из хаотизирующих сил небытия, которые прекращают человеческие мучения и страдания после умирания, но активное хозяйственное начало человеческого бытия непрестанно продолжает утверждать волю к жизни, которая составляет суть преодоления грешного статуса, омраченного рабским страхом смерти. Поэтому обожествленное благодатью человеческое творение находится в поиске искупления как личного, так и первородного греха силою свободы, которая стоически принимает полноту ответственности за свои земные деяния перед Божественной субстанцией. Таким образом сила бессмертия усматривается в изначальном божественном кенозисе в форме Богочеловеческого воплощения как духовно-телесного естества, которое временно послабляет себя в качестве вольного приобщения к смерти, что в итоге обуславливает достижение воссоединения двух природ в результате воскресения. Спасительная сила смерти есть результат соединения Божественной природы и тварной в Богочеловеческую, которая совлекает с человечества онтологическую греховность, ставшую нарушением мировой гармонии. Таким образом, смертность жизни есть модальность собственного бытия, которое зависит от праведного достижения хозяйственными делами обожения человеческой природы.

В хозяйственной философии С.Н. Булгаков выступает в качестве борника гуманистической ценности смерти, которая понимается как соматическое послабление человеческого духа телесной субстанцией.

Итак, мобилизационное качество смерти есть интериоризация хозяйственной свободы как самого ценного и высшего блага, которым подлежит исцелить человечество самим фактом отягчения силой смерти посредством актуализованного начала хозяйственной деятельности, которая поработенное состояние неотвратимой судьбы «бытия-к-смерти» преобразовывает в созидательное «бытие-в-мире». В таком модусе человеческого существования смерть должна быть воспринята не как разрушительный фактор жизни, а как имманентный хозяйственный регулятор человеческой свободы, которая более не упразднена, а, наоборот, претворена осознанием достоинства человеческой личности по подобию Богочеловеческой личности Христа, который преодолел рабство смерти восстановлением свободы духа безгрешным возвращением к своему божественному бессмертному первоначалу. Поэтому «одоление смерти может совершиться только через восстановление свободы, через поединок между рабством смерти и свободой от нее» [5, с. 303–304]. Эта борьба характеризуется непрерывностью человеческого существования, которая определяется как тягостный перепад из состояния профанирующего бытия в состояние процветающего озарения, которое сопрягается с радостью и скорбью, и в этом смысле тяжелая ноша жизни, облаченная смертью, предвосхищает человеческие возможности и способности. Быть может поэтому танатологическая фор-

мула смерти, по мысли С.Н. Булгакова, состоит не в глубинной пустоте мрачной ночи, а в том, что «смерть есть тихий свет истины, пред которою блекнут все ложные ценности» [4, с. 154].

Список литературы

1. Бондарева Я.В. Генезис принципа трансцендентности как методологической основы русской религиозной мысли // Вестник МГОУ. Сер.: Философские науки. 2009. № 2. С. 14–24.
2. Бондарева Я.В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии середины XIX – первой половины XX веков (статья вторая) // Вестник МГОУ. Сер.: Философские науки. 2010. № 1. С. 23–27.
3. Бондарева Я.В. Развитие принципа синергии в учениях о преобразовании человеческого бытия (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник МГОУ. Сер.: Философские науки. 2013. № 2. С. 5–10.
4. Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: в 2 т. М.: Наука. 1999. Т. 2. Статьи и работы разных лет. 1902–1942. 826 с.
5. Булгаков С.Н. Тихие думы / сост., подгот. текста и коммент. В.В. Сапова. М.: Республика, 1996. 509 с.
6. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: Мир как воля и представление; О четвероюм корне закона достаточного основания. М.: Престиж Бук, 2011. 1032 с.

THE IDEA OF IMMORTALITY IN S.N. BULGAKOV'S PHILOSOPHY OF ECONOMY

M.S. Miroshkin

Moscow State Regional University, Moscow

The article examines S. Bulgakov's approach to the question of death and the potential to overcome which is one of the most important for humanity. It reveals his vision of the value of economy philosophy as one of the basic sources of understanding of the phenomenon of death and immortality. The relationship of freedom, faith, love, as well as the economic criteria of overcoming death in Bulgakov's heritage are analyzed. His interpretation of the existential facet of death as a mobilization factor of human activity in the economic sphere is studied.

Keywords: *mortality, God-manhood, immortality, kenosis, interiorization, createdness.*

Об авторе:

МИРОШКИН Михаил Сергеевич – аспирант кафедры философии ГБОУ ВО Московский государственный областной университет, Москва.
E-mail: mirmaker23@mail.ru

Author information:

MIROSHKIN Michael Sergeevich – Ph.D. student of Philosophy Dept., Moscow State Regional University, Moscow. E-mail: mirmaker23@mail.ru